

Людмила Анисарова

**КУБА,
ЛЮБОВЬ
МОЯ...**

18+

Людмила Анисарова
Куба, любовь моя...

«Автор»

2023

Анисарова Л.

Куба, любовь моя... / Л. Анисарова — «Автор», 2023

ISBN 978-5-532-90851-2

Роман Людмилы Анисаровой рассказывает о любви русской женщины Полины и кубинского разведчика Эрнесто – любви, которая выдержала испытания временем, расстоянием, неизвестностью. Автор расширяет рамки привычного любовного жанра, органично вплетая в повествование элементы публицистики и дневниковых исповедей. Искренность и пронзительность вкупе с простотой и лёгкостью изложения ставят роман на одну ступень с лучшими образцами женской прозы.

ISBN 978-5-532-90851-2

© Анисарова Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Перед вылетом	5
Ожидание	7
Встреча	9
«Остров зари багровой...»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Людмила Анисарова

Куба, любовь моя...

Перед вылетом

Москва, аэропорт Шереметьево. 12 февраля 2005 года.

– Внимание! Рейс № 333 «Москва – Гавана» задерживается на два часа.

И дальше – то же самое по-английски. И еще раз. По-русски и по-английски.

Четкое сообщение, отстраненно и гулко разносившееся по огромному аэровокзалу, снова и снова подтверждало, что задуманное, отодвигаясь, обречено на неуспех. Собственно, это путешествие и не могло быть успешным. Ни успешным, ни счастливым, ни даже просто радостным. Полина знала это с самого начала (интуиция обычно ее не подводила). Знала, но...

И все-таки... зачем она едет? За тридцать земель – зачем?

Примчался Александр (да, именно так, полным именем, чаще всего называла она младшего сына; и очень редко, по настроению, он бывал у нее Сашкой), взъерошенный, с горящими глазами. Он впервые оказался в международном аэропорту, и вообще – в аэропорту, и вообще – в дальней поездке. И его поражало все: объемы, звучащая кругом иностранная речь (он с удовольствием вылавливал знакомые слова), обилие стекла, света и блестящего металла. А особенно ему нравился гладкий, сияющий пол, по которому, разогнавшись, можно было скользить, как по льду.

Александр был очень пластичным и музыкальным (ничего удивительного: гены!) и легко совмещал школу с занятиями сразу в двух студиях: вокальной и эстрадного танца. Пожалуй, успевал бы и еще чем-нибудь заниматься, но пока просто не придумал, чем именно. Было коллекционирование марок, потом – монет, был судомодельный кружок – все ненадолго, а вот увлечение музыкой и танцами пока не проходило. Полину это радовало и озадачивало одновременно. Она не понимала, как эти таланты можно применить в жизни. По ее твердому убеждению, мужчина должен или Родину защищать, или серьезно работать головой (изобретать, руководить), или что-то делать руками. Гуманитариев Полина откровенно не любила. Она мечтала о том, чтобы сын поступил в военное училище (она знала – в какое), но пока не придумала, как заразить его этой идеей.

Старший, Антон, не захотел идти в военные. Будет программистом. Это неплохо. А вот Александра она видела в будущем офицером, хотя нужных задатков (например, дисциплинированности, исполнительности) у него, прямо скажем, не наблюдалось. И все-таки ей очень хотелось, чтобы он пошел по стопам своего отца.

Недавно ему исполнилось четырнадцать, но выглядел он лет на одиннадцать, не больше. Абсолютный ребенок. Не в меру подвижный и слишком шумный. Никакого намека на подростковую сосредоточенность и закомплексованность.

– Ма, ты слышала? Наш рейс задерживается! – громко и радостно сообщил сын.

– Не кричи, – спокойно ответила Полина. – Веди себя прилично. И не исчезай так надолго.

– Ладно, – сказал он. И снова умчался.

Она почти не беспокоилась о сыне, который осваивал новое пространство. Этот ребенок не пропадет. Со всеми познакомится и всех обаяет, все расскажет и обо всем расспросит. Не потеряется. Ни в аэропорту, ни в жизни.

Рейс «Москва – Гавана». Неужели она проделает этот путь?

Свистящий гул взлетающих самолетов, плотная пелена людского гомона, разрезаемая стальными нотами строгой и четкой информации, подтверждающей необратимость происходя-

щего, – все это каким-то удивительным образом существовало без нее, Полины. Она чувствовала себя лишь случайным свидетелем, но никак не участником этой завораживающей, красивой и странной жизни, в которой люди легко и даже как-то бесшабашно пересекают параллели и меридианы. Казалось, что это и есть их нормальная жизнь: ожидать регистрации в дорогих кафе и барах, проходить на посадку, вероятно, получать удовольствие от комфорта во время перелета и не испытывать при этом противного, липкого страха, который начал мучить ее еще неделю назад.

Полине было неуютно, тревожно, тоскливо – в отличие от Александра, который беззаботно плескался в новых эмоциях и был радостно открыт для новых и новых впечатлений. Да, ее младший сын во всем этом – как рыба в воде. За него можно быть спокойной. Вот Антон... Антон совсем другой. О нем душа болит постоянно. Как он там теперь? Холодильник забит едой, а он лишний раз к нему и не подойдет.

Полина взглянула на часы. Скоро старший вернется из института – и сразу за компьютер. Потом, поленившись разогреть обед, схватив бутерброд, помчится на тренировку, на свой футбол. Вспомнит, что надо поесть, ближе к ночи, не раньше. Была бы мама... Трудно представить, что было бы с ней, если бы она узнала, что дочь оставила Антона, любимого внука, одного на целую неделю... Не узнает... Ничего и никогда не узнает.

Понять до конца, что мамы уже нет, пока не получалось, хотя прошло больше года, как ее не стало.

Теперь у Полины были только сыновья. Отец умер пять лет назад, сестер-братьев родители для нее не завели, родственников ни по какой линии тоже не осталось, даже дальних. Кроме сыновей, у нее не было никого. Только школьная подруга Люська. Правда, круг общения у Полины достаточно широкий (с ее профессией это неизбежно). Коллеги, приятельницы-однокурсницы, множество клиентов...

Со всеми Полина умела поддерживать ровные, хорошие отношения. Беседовала по телефону, заходила к кому-то в гости, звала кого-то к себе. Она интересовалась чужими делами, хранила чужие секреты, а вот в свою душу никого не пускала.

Давая другим возможность подробно проговаривать все, что наболело, Полина почти никогда не делала этого в ответ, чего от нее почему-то и не ждали. Всем, кто постоянно общался с ней (не любила она это слово – «общаться», но как еще скажешь?), хотелось прежде всего поведать о себе. На нее, Полину, просто не оставалось времени. Иногда она делала попытки что-то сказать, но... не складывалось. Да и к лучшему. Потому что потом она, скорее всего, жалела бы о своей слабости.

Раскрыться означало для Полины проявить слабость. Именно для нее. О других она так не думала. Выслушивала. Понимала. Советовала, если об этом просили. Спешила помочь, если это требовалось.

Психологи, как известно, делят всех людей на интровертов и экстравертов, объясняя при этом, что в чистом виде в жизни ни тех, ни других не встречается, как не существует абсолютно черного и белого, абсолютных добра и зла, горя и радости, – все взаимопроникает, смешивается, и четкое разграничение в реальности невозможно, только в абстракции, идеале и никак иначе. Так вот Полина по части интровертности была, очевидно, ближе других к идеалу. Так и расценивала себя: интроверт. И вовсе не страдала от этого, а, напротив, внутренне гордилась своим одиночеством, имея в качестве примера героев Джека Лондона, Ремарка и Хемингуэя – именно этих трех писателей она выделила для себя еще в детстве и в течение жизни не поменяла своих литературных пристрастий.

Ожидание

Куба, маленький город недалеко от Гаваны. 12 февраля 2005 года.

В доме Хосе Сандиноса, шофера городского муниципалитета, с самого утра, несмотря на субботний день, когда всем можно было бы еще и поспать, царило необыкновенное беспокойство. Собственно, оно поселилось в семье уже неделю назад, как только пришло это письмо из России. Столько лет ничего не было. Ничего. И вот теперь...

Суетливо что-то перекладывала с места на место Тереса, жена Мигеля – младшего сына Хосе; сам Мигель беспрерывно курил; сновали туда-сюда и затевали что-то разбойничье их дети – Мигелито и Луисито, неуправляемые чертенята семи и пяти лет. Озабоченно гремела посудой Мириам, жена Хосе. При этом она громко советовалась сама с собой о том, что приготовить на обед: вдруг гостя появится именно сегодня? Хотя этого никак не могло случиться: в письме написано, что 12 февраля Полина (они хорошо помнили это имя) только вылетает из Москвы.

Их несостоявшаяся невестка коротко написала, что приедет в Гавану по туристической путевке на неделю и хотела бы заехать к ним повидаться. Заедет ли? И привезет ли показать внука? Ничего они толком не знали. И от этой неопределенности все были друг другом недовольны, не могли найти себе места, перебрасывались ничего не значащими фразами, беззлобно переругивались. Что они скажут жене (пусть и неофициальной) их старшего сына, матери их внука, если сами ничего не знают? И как они будут разговаривать? На каком языке? Письмо написано на испанском. Но говорит ли Полина по-испански? Тогда, много лет назад, не говорила. Эрнесто, конечно, говорил по-русски. Так они и познакомились. Да... Много было переживаний, связанных с этим. Очень много. А потом на смену им пришли другие. Но никогда они не забывали, что в России растет сын Эрнесто – Алехандро. Никогда не забывали. Видишь, не назвали, как отца, – Эрнесто. Жили бы здесь – ребенок был бы Эрнесто, как отец – так положено. Правда, Мириам в свое время тоже не назвала старшего сына Хосе. Назвала в честь Эрнесто Гевары. Хосе не противился: он уважал и Фиделя, и Рауля, и Че. Он с самого начала поддерживал революцию, а Мириам была чуть ли не в гуще событий: ее брат и отец, хотя и не были бедняками, помогали «барбудос», когда те скрывались в горах Сьерра-Маэстро (жена Хосе была родом именно из тех мест, а познакомился он с ней в Гаване, где она училась в университете).

Хосе с Мириам уже заработали пенсию, но дома им не сиделось. Мириам, член партии, неутомимая общественница, по-прежнему преподавала в школе свою географию. Могла бы, наверное, тогда, давно, найти себе кого-нибудь и получше, а не шофера. Она красивая была. Да и сейчас... Но говорит, что не жалеет ни о чем.

Хосе хоть и атеист, а всегда мысленно благодарит пресвятую Деву Марию за то, что послала ему Мириам. За сыновей благодарит. Точнее, раньше благодарил. Давно. А теперь вот... Надо бы просить за Эрнесто, а просить Хосе не умеет. Даже мысленно. Мириам, наверное, просит, хотя не сознается: тоже атеистка.

Вот уже больше тринадцати лет прошло – и ничто не пролило свет на эту печальную и загадочную историю. Первое время они судили и рядили, говорили об этом и днем и ночью, писали куда-то письма, пытались навести справки через Хуана, двоюродного брата Хосе, который жил в Гаване и был очень уважаемым человеком – врачом, который однажды лечил самого Фиделя, но все было безрезультатно. И через какое-то время они оставили попытки что-либо узнать.

Эрнесто жил в их памяти, жил на фотографиях в альбоме (со стены портрет сына они по совету Хуана на всякий случай сняли), и им казалось иногда, что он просто уехал далеко и

надолго – так же, как когда-то уехал в Советский Союз учиться. Правда, тогда были письма и его приезды в отпуск – а теперь этого не было. Но ведь не было и сообщения о том, что он умер. Значит, надо было ждать. И Хосе с Мириам ждали. Хотя говорили об этом редко, оберегая каждый свое. Они знали, что обязательно должны дождаться; и больше всего на свете боялись известия, которое положило бы конец ожиданию, ставшему сутью и смыслом их жизни.

Три года назад умерла Лусия – мать Хосе. Пока была в сознании, все повторяла: «Не увидела Эрнестито. И сына его из России не увидела». Потом она впала в беспамятство, и через два дня ее не стало. Она очень любила старшего внука, горевала о нем открыто и страстно. Плакала по-детски безутешно, предчувствуя, что не суждена им на этой земле встреча.

Когда почтальон принес письмо, ни Хосе, ни Мириам никак не могли решиться вскрыть конверт – поручили это сделать Мигелито. Тот сразу вытряс из конверта фотографию. И все, даже дети, поняли, что на фото – Алехандро. И Мириам, и Тереса заплакали. А потом уж прочитали письмо. И начали ждать в гости Полину. Только так и не поняли, одна она приедет или с сыном?

Конечно, сразу открыли альбом, который Эрнесто привез тогда, давно, из России.

Вот Эрнесто с Маркосом на фоне деревьев с пестрыми бело-черными стволами. У Маркоса, лучшего друга их сына, все хорошо. Жена, двое детей, живут в Гаване. Он, кажется, уже до подполковника дослужился.

Вот Эрнесто у памятника русскому поэту. В семье Сандинос знают этого поэта: Сергей Есенин. У них на полке стоят две книги с его стихами: на испанском языке и на русском. Это Эрнесто купил в России, в Москве.

А вот вся семья: их сын и его жена Полина с пятимесячным Алехандро на руках. Внук и маленький был похож на своего отца. А теперь, на присланной фотографии, – просто второй Эрнесто. Сравнили с его школьными снимками – одно лицо!

На следующей фотографии – Полина. На ней – джинсы, обтягивающие полные бедра (в семье Сандинос не любят худых женщин), распахнутая короткая белая куртка. Темные волосы распущены по плечам. Она приветливо улыбается: на щеках ямочки. Красивая. Ничего не скажешь!

Они эту фотографию показывали соседям, родственникам, знакомым. И все говорили: «Красивая!» И фото маленького Алехандро тоже показывали: наследник! И все говорили: «Похож на отца».

Хосе с Мириам гордились еще и тем, что их сын не просто признал ребенка своим (как это принято на Кубе с давних пор), но и зарегистрировал его в кубинском посольстве в Москве. И Алехандро, их внук, – гражданин Кубы. Документ, подтверждающий это, хранится у них. Эрнесто привез его с собой тогда, в девяносто первом году. Полина с Алехандро и Антонио, ее старшим сыном, должны были приехать позже. Но Эрнесто, сразу приступив к службе, уехал, как они понимали, по заданию. И не вернулся.

Они поначалу пытались связаться с Полиной: адреса они не знали, но у них был номер ее телефона. Мириам вместе со своей подругой, учительницей русского языка, пыталась позвонить, но безрезультатно: никто не отвечал.

День так и прошел в суете и бестолковых разговорах. Все выясняли, сколько часов летит самолет от Москвы до Гаваны. Эрнесто в свое время говорил – а они забыли. Да ведь тогда, много лет назад, самолет делал посадку где-то в Канаде. А теперь (Хосе слышал от кого-то) не садится он там. Так что намного быстрее должно получаться. Но уж сегодня на ночь глядя никто, конечно, не приедет. Может, завтра. Или послезавтра.

Встреча

СССР, г. Рязань. 6 марта 1989 года.

Эрнесто Сандинос, гражданин Кубы и курсант Рязанского воздушно-десантного училища, проснулся в этот день раньше обычного. Именно сейчас, утром, ему предстояло подготовиться к семинару по тактике, потому что накануне времени на это у него не хватило: засиделся с друзьями допоздна в баре. Были и девушки, конечно. Прекрасные русские девушки. Эрнесто не был оригинален и питал слабость к блондинкам, а их в этом замечательном городе было немало. Правда, постоянную подругу он себе почему-то не завел. Трудно сказать, почему. Ему нравились все девушки, которые у него были. Но жениться в России он не планировал: ему казалось, что он огорчит этим родителей, которых уважал и любил. Особенно мать. Она была красивой (ни у кого из его друзей не было такой молодой и красивой матери), и умной, и современной: всегда понимала своих сыновей – и Эрнесто, и его младшего брата Мигеля.

Отгоняя ненужные мысли, курсант Сандинос сосредоточенно вчитывался в конспект лекции, в котором разобраться было непросто, поскольку писалось это все не на испанском и не на русском, а на странной смеси и того, и другого, и третьего – а именно английского, которым (так уж сложилось) Эрнесто владел в совершенстве. Писать лекции по-русски пока не получалось: очень трудный язык!

Он никогда не отсиживался на занятиях, привык быть не просто заметным, а только первым во всем: в учебе, в спорте, на сцене (как все латиноамериканцы, он любил танцевать и петь, и делал это очень неплохо).

Вот уже второй год Эрнесто учился в Советском Союзе. Ему здесь нравилось. Но Кубу он не смог бы променять ни на что. Он мечтал, что, окончив училище, вернется домой и продолжит свою службу, защищая завоевания кубинской революции.

Семинар прошел бурно. Сандинос как всегда отличился, сведя все к политике. В споре с преподавателем о русской перестройке он отстаивал мысль о том, что нельзя давать Западу навязывать свои ценности: за мелочами в сознание людей проникнет и идеология империализма – от социалистического лагеря тогда ничего не останется. Преподаватель защищал гласность, падение «железного занавеса», считая это главной заслугой Горбачева, а Эрнесто, напротив, ничего хорошего в этом не видел, подозревая, что все это входит в далеко идущие планы Америки, которая мечтает о мировом господстве. Пока только Советский Союз может настояющему противостоять ей, и поэтому ему никак нельзя уступать своих позиций.

Эрнесто очень горячился, вскакивал с места, размахивал для убедительности руками. Ему было тяжело, практически невозможно сказать по-русски все, что хотелось. И он переходил на испанский – а те, кто мог, пытались перевести. Курсанты были единодушны: Сандинос прав. Ничуть не сомневаясь в этом, сидящий рядом Маркос Фернандес пытался все-таки сгладить ситуацию, сдерживая слишком эмоционального друга. Понимаясь улыбаясь, он потихоньку дергал Эрнесто за рукав, пытаясь усадить на место, но тот не обращал на это никакого внимания.

Эрнесто и Маркос были родом из одного городка; там они окончили школу, потом вместе поступили в Гаване в техникум, откуда были призваны в армию. После первого года службы и тому и другому предложили поехать учиться в СССР.

Таким образом, Эрнесто и Маркос практически не расставались на протяжении всей своей жизни. Они понимали друг друга. Во многом доверяли друг другу. Однако Маркос знал, что есть вещи, о которых у Эрнесто лучше не спрашивать. И он не спрашивал. Догадывался. Еще с армии догадывался. Может быть, даже и завидовал Сандиносу. Ведь он, Маркос, не меньше предан делу революции. Но выбирают лучших. А Эрнесто действительно был лучшим.

Друзья шли по тротуару длинной прямой улицы, радуясь тому, что день выдался теплым и солнечным, что русское небо напоминало своей синевой кубинское и что накануне оба получили из дома по письму. Они обменивались семейными новостями, посмеивались над сходством и совпадениями, и при этом не забывали поглядывать на девушек, идущих навстречу и останавливающих любопытный взгляд на лицах молодых иностранцев.

Они были очень разными – Эрнесто и Маркос. У Эрнесто были испанские корни. И хотя он был смуглее многих русских, на фоне Маркоса его кожа выглядела чуть ли не белоснежной. Его волнистые волосы были жгуче-черными, взгляд каре-зеленых глаз – пронзительным, а улыбка при этом – открытой и доброй. Он был очень красив. И знал это. И пользовался этим. Маркос старался от него не отставать: его ослепительная улыбка тоже действовала на девушек неотразимо, хотя желающих общаться с чернокожим кубинцем находилось все-таки поменьше, чем тех, кто стремился попасть в объятия Эрнесто.

Друзья остановились у киоска, купили сигарет. Рядом был вход в парк. Маркос глянул вопросительно: пойдём? Эрнесто утвердительно кивнул: пойдём!

В городе снега почти не осталось, а здесь, в парке, он задержался среди деревьев, но лежал не нарядно-сияющим, каким любил его Эрнесто, а, похожий на несвежее вафельное полотенце, неопрятно застыл ноздреватой серой массой, совсем не радующей глаз.

Под березами (все кубинцы буквально с момента приезда в Россию знали, что именно так называются деревья с черными черточками на белых стволах) сосредоточенно вышагивал мальчик лет четырех, разговаривая сам с собой. Изредка он останавливался и упорно долбил ногой упрямую снежную корку до тех пор, пока не проваливался в выбоину, что доставляло ему огромное удовольствие.

Эрнесто, с интересом понаблюдав за мальчиком, симпатичным и смешным, полез в спортивную сумку, которая висела у него на плече, за фотоаппаратом: любил снимать все забавное. Он щелкнул несколько раз –ребенок не обратил на это никакого внимания. Зато рядом появилась возмущенная мама. С какой стати, спрашивается, фотографируют ее сына? Об этом, кажется, никто не просил! Вообще-то, она этого не сказала, но активно выразила взглядом. Эрнесто нацелил объектив и на нее. Ему понравилась мама мальчика, несмотря на то что лицо ее было очень сердитым.

Полина с Антоном вышли сегодня на прогулку чуть позже, чем обычно. Сын капризничал, не давал себя одевать, в какой-то момент вырвался, убежал из коридора в комнату и залез под кровать. Полина вытягивала его оттуда за ноги – а он вопил благим матом. В борьбе прошло минут двадцать, не меньше. На улице он присмирел, а когда они оказались в любимом сквере, стал совсем покладистым.

Собственно, это был даже не сквер, а небольшой парк, уютный и родной, связанный с не такой уж далекой юностью Полины: именно здесь она любила когда-то бродить одна, сбегав с последней лекции (ее альма-матер, педагогический институт, находился совсем рядом). Она была очень своенравной девицей и не любила делать то, что ей не по душе (сын это, кажется, вполне унаследовал). Сидеть в институте три пары подряд ей никогда не нравилось, и с последней она часто уходила, никому ничего не сказав. Галя Мохова, староста группы, необыкновенно кипятилась, прорабатывая на комсомольских собраниях эту «индивидуалистку Семину» (если Семина, конечно, являлась на собрание, а то ведь могла и не явиться), которая не только лекции пропускает и вечно опаздывает на первую пару (да еще входит всегда с таким независимым видом!), но и не участвует в делах факультета.

Полина действительно сторонилась общественной жизни: никакие коллективные действия ее никогда не привлекали. У нее было два любимых занятия: читать и гулять здесь, в парке, – летом и осенью, зимой и весной.

Когда институт был уже позади, парк снова пригодился: беременная, она задумчиво бродила по его аллеям; потом возила по этим аллеям коляску; а теперь вот Антон, которому недавно исполнилось четыре, сам приводил ее на прогулки именно сюда.

Больше всего Антону здесь нравилась лестница: по ней можно было, никому не мешая, подниматься и спускаться сколько хочешь раз. Он обычно считал, сколько. И всегда сбивался. А хотелось – чтобы получилось сто или даже миллион. Но пока не получалось, потому что мама слишком быстро его отсюда уводила, хотя он сопротивлялся и требовал, чтобы она разрешила «хотя бы еще разочек» – вверх и вниз. «Еще разочек» мама разрешала, а потом, когда он еще просил, – уже нет. Поэтому домой они отправлялись неизменно в плохом настроении. Антон – из-за того, что мама его не понимает, мама – из-за того, что сын такой противный и вечно хнычет, добиваясь своего; вот и приходилось иногда шлепнуть его по попе, чтобы увести наконец из парка. Нет, он, конечно, не всегда лазал по этой лестнице – иногда находил и какое-нибудь другое занятие: гонялся за голубями, просто носился по дорожкам, сегодня вот – долбил снег.

Полина не заметила, в какой момент около ее сына остановились эти иностранцы. Она увидела их позже – когда один из них начал фотографировать Антона.

«Какая бесцеремонность», – подумала Полина, но ничего не сказала, уводя сына.

– Извините! – крикнул Эрнесто. Это слово он произносил хорошо и всегда кстати, а вот с остальными было сложнее: их надо было не только вспомнить, но и правильно соединить.

Мама мальчика не оглянулась. Эрнесто догнал их и снова сказал «извините».

– Что вам нужно? – сухо поинтересовалась Полина. И внутренне поежилась от собственной недружелюбности.

Иностранец смотрел так растерянно и виновато, что ей сразу стало жалко этого молодого человека. Интересно, из какой он страны. Тот, который был с ним рядом, – абсолютно черный, наверное, откуда-то из Африки. А этот?

– Так что вы хотели? – уже мягче спросила Полина и даже попыталась улыбнуться.

– Я хотеть... – Эрнесто замешкался. Потом постучал себя по груди: Эрнесто. Куба. – И протянул Полине руку.

«Ничего не поделаешь, – подумала она, – надо знакомиться». Ответила: «Полина», вложив в его ладонь свою. Почему-то закружилась голова. Она потянула руку назад – кубинец не выпустил Полинину кисть, сжимая ее теперь уже двумя руками. Это показалось верхом бестактности. Она сердито и сильно подергала руку. Кубинец рассмеялся и раскрыл ладони – она потеряла равновесие и чуть было не упала. Не упала, благодаря его молниеносной реакции: он поддержал ее за талию и, жутко смутившись, сразу же, как только она обрела равновесие, отпустил.

Кубинец снова смотрел на Полину – виновато и растерянно, а не игриво, как в тот момент, когда держал ее руку.

Нужно было развернуться и уйти. Полина поискала глазами Антона – тот был недалеко. Увязнув в снегу, он не собирался выбираться, а с удовлетворением тыкал вокруг себя палкой, проверяя глубину снежного покрова. Итак, нужно было позвать его и уйти. Но подумалось, что это будет невежливо. Все-таки рядом – иностранец. Надо сказать что-нибудь тактичное.

Пока Полина соображала, что же такое, тактичное, сказать, Эрнесто тоже мучился в поисках нужного слова. Хотя бы одного. Но, кроме «спасибо» и «здравствуйте», в голове не было ни одной русской фразы. Они потерялись. Все до одной. И найти их было невозможно. Значит, только «спасибо» и «здравствуйте». Главное, не перепутать и сказать первое, а не второе. Так будет лучше.

– Здравствуйте, – сказал Эрнесто. И замолчал, расстроенный.

– Здравствуйте, – ответила Полина вполне серьезно, не понимая, что творится с несчастным кубинцем. – Но вообще-то я хотела сказать: «До свидания».

«До свидания». Эрнесто обрадовался знакомому слову, хотел сразу же его повторить, но вовремя сообразил, что так говорят при прощании. А прощаться ему не хотелось.

Он стоял молча и ждал: может быть, она скажет что-нибудь еще. Кстати, он уже забыл имя этой женщины, с которой почему-то никак не хотелось расставаться. Снова спросить он не мог по двум причинам: во-первых, неудобно; во-вторых, как спросить, если он сейчас неточно помнил этот нужный, уже тысячу раз повторенный здесь, в Советском Союзе, вопрос. Сейчас, сейчас... Вот! «Как тебя зовут?» Чаще приходилось говорить «тебя» – и это казалось нормальным. Но Эрнесто понимал, что сейчас нужна форма вежливого обращения, которую он тоже не мог вспомнить. Потом встрепенулся. Он же хорошо говорит по-английски! Но на его вопрос Полина отрицательно покачала головой: нет, она учила в свое время немецкий. Эрнесто про немецкий не понял, а вот что по-английски она не говорит – уловил. Как же быть? Он развел руками и вздохнул.

– Ну ладно, – наконец сказала она, – нам надо идти.

Ее прощальные, как догадался Эрнесто, слова запустили вдруг в его голове какой-то механизм – стало ясно, что теперь, наконец, сможет что-нибудь сказать.

– Извините, я немного забываю ваше имя. – Он опять виновато улыбнулся.

Полине снова стало его очень жалко. Смешной какой, подумала. Как ребенок.

– Меня зовут Полина, – четко проговорила она, все-таки сообразив, что ему трудно говорить на чужом языке.

– Па-ли-на, – старательно проговорил Эрнесто.

Ее имя прозвучало незнакомо, странно, волнующе. Уходить расхотелось. Однако Полина быстро взяла себя в руки. Она сказала, что ей приятно было познакомиться, но им с сыном нужно идти домой. Эрнесто понимающе покивал головой, но тут же начал объяснять и словами, и жестами, что он не может так быстро расстаться с Полиной и хочет ее проводить. Она неопределенно пожала плечами. Кубинец воспринял это как согласие и, показав, что сейчас же вернется, быстро отошел к своему другу, который оживленно болтал как раз по-английски с двумя девушками – очевидно, студентками. Эрнесто отвел его в сторону, начал, жестикулируя, что-то объяснять.

Полина смотрела на Эрнесто. Он ей нравился. Не только потому, что был красивым. В нем было что-то узнаваемое. Как будто они не виделись много-много лет – и вдруг встретились. А еще было какое-то совершенно непонятное ощущение, будто все происходящее не имеет к ней никакого отношения, будто она все видит со стороны: растерянную, не знающую, как себя вести, женщину, хорошенького незнакомого маленького мальчика и мужчину, появление которого должно что-то изменить в жизни этих двоих.

От автора

Я никогда не вела и не веду дневников. И даже записных книжек, как положено писателю, у меня до поездки на Кубу не было – так, кое-какие заметочки-мыслишки на обрывках бумаги, которые иногда собираю в папку, потом, соответственно, разбираю и соображаю, что с этим сделать, куда пристроить. А тут – с ума сойти! – целых две страницы, помеченных «в ночь с 1 на 2 октября 2004 года». Ночь была бредовой, и о том, что я ее записала, я сразу же и забыла. А буквально через неделю полезла в папку и обнаружила: вон, оказывается, что со мной творилось в ночь с 1 на 2 октября 2004 года!

«Я мечусь от идеи к идее, от рассказа к рассказу. Есть не одно и не два, а много начал, и еще больше – концовок. И ни на чем не могу сосредоточиться. Что-то мешает и мешает. Хотя, казалось, все так ясно: закончить маленькую повесть, у которой пока нет названия, дописать два-три рассказа, присоединить это к рассказам из рязанской книжки «Мы еще не знаем» – и

в издательство. Да плюс «Знакомство по объявлению» можно уже переиздать, добавив туда, опять же, парочку рассказов. Идеи, сюжеты – все есть. Сиди, пиши. Не могу. Вся измаялась за последние дни. И наконец сегодня утром прорезалось: все бросить и писать давно задуманный роман «Куба, любовь моя...». Может быть, это будет называться по-другому. Неважно. Главное, именно сегодня я поняла, каким он должен быть, этот роман. Поняла после «Мостов округа Медисон» Уоллера (спасибо Свете!). Он должен быть небольшим по объему, компактным. Он должен быть пронзительным и красивым.

Поэтому срочно: к Гале – раз; в библиотеку – два. И три – самое безумное: мне надо ехать на Кубу, ни больше ни меньше.

Спать не могу. И писать пока не могу. Если найду выход, т.е. деньги на поездку – или хотя бы надежда на это появится, – вот тогда начну работать. Месяца четыре – и роман будет готов. Я его вижу. Я его люблю. И больше ничто меня теперь не интересует. Ничто!

Сейчас, когда я это прописала, стало легче; я потихоньку успокаиваюсь. Буквально полчаса назад мне казалось, что я схожу с ума, так велико было возбуждение и так хотелось прямо сейчас уйти с головой в роман. Но я чувствую: рано. Хотя очень многое уже вижу. Однако начинать все равно надо с поездки на Кубу.

Нет, никак мне не удастся успокоиться. Думаю, думаю, думаю. И про то, к кому податься за деньгами, и реально ли это вообще (и чувствую – реально!), и про то, как я уже отправляюсь на Кубу (что это будет, туристическая поездка или как-то иначе?), и про то, встретятся в конце романа мои герои или нет.

Итак, героиня с сыном летит в Гавану (опять – насколько эта поездка для нее возможна? Не по деньгам: деньги она научилась зарабатывать, ставя на ноги одна двоих детей) – а дальше? Как она ищет там своего кубинца? И возможно ли, чтобы он был жив?

После того, как я прочитала один из номеров правозащитного журнала «Карта», который был полностью посвящен Кубе, мне видится тюрьма, где мой герой отбывает все эти годы наказание за политическое преступление (какое?). Нет, не то! Не то! Я слишком уважаю Фиделя Кастро, чтобы лить воду на мельницу его врагов. Никакой тюрьмы не будет. Но почему, почему он пропал на столько лет? Просто забыл и про любимую женщину, и про сына? Не может такого быть! Тогда что? Что? Ох, не справиться мне со всем этим. Ни за что не справиться...

Любовно-политический роман. Или – любовно-публицистический? Хватит ли ума? Вот в чем вопрос. Вот поэтому-то мне сейчас так скверно: боюсь, что не хватит. Замахиваюсь слишком на многое. Ведь могла бы ограничиться повествованием только в одной плоскости – плоскости героини: ее жизнь, ее переживания. Сиди, дорогая моя, куда посадили, в своей «женской прозе»! Без лишних телодвижений! А вот не хочу! Хотя... Что бы я ни написала, все равно это будет женской прозой... А кто, собственно, сказал, что это плохо? С чего это я вдруг взялась отрешиваться от пишущих сестер? Так, ладно! Работать надо – вот и все! Умишко женский напрячь изо всех последних сил. И авантюризм свой эксплуатировать на полную катушку – иначе никакой Кубы мне не видать!»

Перечитав с интересом и сомнением написанное, я поняла, что от романа мне никуда не деться.

Галя – моя одноклассница. Мы не виделись много-много лет, а потом встретились – и я узнала ее историю. Сразу поняла, что когда-нибудь напишу роман о ее любви к красивому и мужественному кубинцу – любви, которая могла бы быть очень счастливой, если бы не развал СССР и последовавший за этим разрыв отношений между Кубой и Россией. За действия политиков всегда расплачиваются простые смертные. В том числе и любовью.

Итак, роман будет о том, размышляла я, как политика изломала человеческие судьбы, и о том, что настоящая любовь не проходит, несмотря ни на что.

Слово «Куба» всегда будоражило мое воображение. Те, чье детство выпало на шестидесятые годы двадцатого века, легко напоют мужественно-романтический мотив песни, где есть слова: «Куба, любовь моя, остров зари багровой», потому что именно в детском сознании наиболее четко отпечатывается атмосфера времени – запахами, деталями, музыкой. И эта маршевая песня была одним из важных штрихов звонкой дошкольной жизни моих сверстников, тем, что позже, подпитываясь заметками «Пионерской правды» и бодрыми сводками «Пионерской зорьки», перерастало в переписку с кубинскими школьниками, в поклонение мужеству Фиделя Кастро и Че Гевары.

В конце семидесятых мне, жуткой активистке, посчастливилось попасть в «Артек». Из всех иностранцев особенно запомнились темнокожие кубинцы. Посланцы острова Свободы казались настоящими героями. Их нельзя было не любить! Ими нельзя было не восхищаться!

Так вот. Замысел будущего романа всегда мне казался интересным, но трудноосуществимым (слишком много нужно «копать»), поэтому я перекладывала и перекладывала его все в более дальние ящички своего сознания, сладострастно мечтая: вот когда-нибудь... когда-нибудь я доберусь до всего этого! И тут вдруг – так резко... практически ни с чего...

Может, так неудержимо захотелось на Кубу? Может, «охота к перемене мест» и подогнала идею романа так близко, что вот оно – цепляйся и плыви? Не знаю, не знаю. Факт остается фактом. В первую ночь октября сумасбродная идея была зафиксирована, а наутро объявлена всем окружающим. В очередной раз повертев пальцем у виска, они, то есть окружающие, начали следить за развитием событий...

Я сама не верила ни во что, но продолжала фантазировать. Кстати, это ведь тоже целое дело: находиться во власти несбыточной мечты. Вся реальная жизнь с ее неинтересными подробностями – мимо. Что вы меня достаете со всякими вашими приземленными проблемами? У меня вон что! Куба! Мне туда надо. Ну и что, что денег нет? Пока нет. Возьмутся откуда-нибудь.

Где-то в начале ноября, а может, в середине – не помню – услышала о том, что ночью можно увидеть множество падающих звезд: ожидается невиданный метеоритный дождь.

Ближе к нулям, одевшись потеплее, вышла на балкон – ясное дело, зачем. И почти сразу небо коротко прочертило сияющей полосой. «Куба!» – успела схватиться я за нужное слово.

Скажу честно, у меня в запасе было еще несколько желаний, и я, конечно, принялась ждать, когда звезды начнут гроздьями сыпаться с неба, обещая претворения в жизнь всего того, что алкала моя мятежная натура. Я простояла часа полтора, не меньше!

Звезды спокойно и ровно светили каждая со своего места и падать не собирались. Метеоритный дождь пролился, видимо, где-то в другом месте. Замерзнув, я отправилась спать.

Через несколько дней позвонила из Москвы моя замечательная дочь и сказала, что к Новому году ей грозит премия в тысячу долларов. Я затаила дыхание, выдержала паузу – она торжественно пообещала, что отдаст эти деньги мне на поездку.

– Неужели ты возьмешь у ребенка эту тысячу? – горько спросил муж. Он надеялся на мое благоразумие.

– Я их возьму взаймы, – храбро ответила я, свято веря, что так и будет.

Если учесть, что зарплаты дочери едва хватает ей на оплату комнаты и пропитание и эта случайная премия очень могла бы ей пригодиться, – я поступала негуманно и в высшей степени эгоистично. Но мне очень нужно было на Кубу! Очень.

Муж тихо презирал меня. Дочь – моя великодушная дочь! – понимала. И беспокоилась лишь о том, где взять еще примерно столько же, потому что ее премии хватало мне только на перелет. Но я (тоже пока не представляя, где можно взять эти деньги) уже знала: еду!

«Остров зари багровой...»

Рязань. 6–7 марта 1989 года.

Когда Полина, расставшись у подъезда с Эрнесто, поднималась на свой третий этаж, постоянно дергая за руку вечно упирающегося Антона, в голове у нее настойчиво звучало: «Куба, любовь моя, остров зари багровой...». Дальше она слов не помнила, поэтому вместо них было: «...та-та, та-та-та, та-та-та, та-та» – и дальше снова: «Куба, любовь моя».

Накормив Антона обедом и уложив его спать, Полина забралась с ногами в кресло и начала думать о Кубе.

Она начала думать о Кубе, то есть вспоминать все, что было связано в ее жизни с этой страной. Оказалось, что при всей их – ее и страны – далекости, – не так уж и мало.

Ну, во-первых, песня. Запомнившаяся с детства мелодия обнаружилась где-то на периферии сознания сразу же, стоило этому кубинцу сказать, что он кубинец. Во-вторых, пионерские сборы, посвященные советско-кубинской дружбе. В их школе как-то побывала делегация из Гаваны, и Полина потом даже переписывалась с одной девочкой. Ее звали Паола. Они долго высылали друг другу значки и открытки. Так. Что же еще? А-а, ну да! Семейное предание о том, почему ее отец, Александр Семин, стал журналистом.

Отец рассказывал, что когда он, уже отслужив в армии, учился в педагогическом на истфаке в начале шестидесятых годов, его кумиром был Фидель Кастро. Студент Семин был в этом отнюдь не оригинален. Он буквально боготворил вождя кубинской революции, мечтал попасть на Кубу – но подходящего случая не подвернулось. В знак солидарности с народом острова Свободы он отпустил бороду «а ля Фидель», что опять-таки было весьма распространенным явлением: сотни молодых людей в Советском Союзе захотели стать «барбудос», т.е. бородачами, подражая кубинским партизанам и их лидеру.

И вот молодой специалист, симпатичный и бородастый (Полина очень хорошо помнила отца на фотографиях того периода), прибыл по распределению в одну из школ рязанской глубинки. Директор по фамилии Строгач («говорящая фамилия», поэтому и запомнилась) ничего не имел против кубинской революции и очень уважал Фиделя Кастро, но посчитал внешний вид нового историка верхом вольнодумства и велел побриться – Семин упирался. Строгач дал на размышление двое суток.

Через два дня должен был состояться педсовет, а через неделю начинался учебный год. Строгач решил, что этот молокосос Семин как раз успеет одуматься и предстанет перед педсоветом в надлежащем виде, то есть побритым. Но Семин явился все с той же бородой и горящими глазами борца за справедливость – приказ об увольнении Строгач подписал в тот же день.

Так что учителем Александр Семин числился ровно два дня. Конечно, был скандал в РОНО. Но поскольку там так и не смогли понять, кто же больше виноват, Строгач или Семин, отец Полины под шумок устроился в районную газету (и в армии, и в институте он подвизался на поприще внештатного корреспондента), не отработав, соответственно, положенные три года в школе, за что ему долго пеняли, давали какие-то выговоры по комсомольской линии. Но это только укрепило его авторитет свободно мыслящего журналиста и способствовало тому, что его пригласили в главную рязанскую газету, где очень скоро из-за этого самого свободомыслия и начались проблемы. Собственно, это уже другая история.

Бороду отец Полины носил еще года три, потом сбрил, кажется, на спор. А вот любовь к Кубе сохранил на всю жизнь, собирал о ней газетные статьи в отдельную папку и до сих пор жалел, что не пришлось ему там побывать. Он любил поговорить о Фиделе Кастро и всегда как бы вскользь ронял фразу: «Нам бы такой Фидель не помешал». Иногда добавлял: «А то все только пустобрехи». Как в нем, романтике-шестидесятнике, уживались одновременно

стремление к демократии и желание сильной власти – сказать трудно. Горбачева отец откровенно не уважал; тех, кто был до него, тоже не жаловал. Выделял только Андропова и очень сокрушался, что тот не успел навести в стране порядок. Любимым фильмом отца была картина «Белое солнце пустыни», а любимой фразой – «За державу обидно».

Вообще, интересный, конечно, человек ее отец. Недавно ему исполнилось пятьдесят два, он полон сил и энергии, а не чаает дожидаться пенсии. Опостылела ему журналистика. Мечтает о золотом времени, когда будет грядки на даче копать и с внуками возиться.

Размышления Полины о далекой стране и об отце прервал телефонный звонок. Звонила мама, просила, как только Антон проснется, собрать его и привезти к ней: они с дедом соскучились. Соскучились! Всего два дня не видели внука. Была бы их воля, забрали бы его к себе, потому что Антон с момента своего появления на свет стал смыслом жизни Полининой мамы, которая, будучи старше отца на семь лет, уже четвертый год пребывала в статусе пенсионерки.

Полина даже представить себе не могла, что из ее строгой мамы получится такая ненормальная бабушка, обожающая внука просто сверх всякой меры. Виталий, муж Полины, относился к этому обожанию резко отрицательно и запрещал оставлять Антона у бабки с дедом. Но вчера он уехал на неделю в командировку.

Полина решила отправить Антона к родителям до 8 марта. Сегодня у нее уроков не было (поэтому она и не повела Антона в детский сад), а завтра – на работу, в родную школу.

Вечером, оставшись одна, Полина проверила тетради, написала планы и улеглась в постель пораньше с намерением спокойно посмотреть телевизор. Она любила оставаться одна, без мужа. Ей было без него хорошо. Лучше, чем с ним. Правда, признаться в этом было трудно. Даже самой себе.

Шел какой-то фильм. Может быть, интересный. Но Полину совсем не волновало происходящее на экране. Ее волновало совсем другое. А именно то, что она никак не могла вспомнить лицо кубинца. Помнила, что это очень красивое лицо. И все. Какие у него глаза, нос, губы? Какие? Ничего определенного. Правда, помнились черные волосы, блестящие, густые, волнистые (холодно, а эти теплолюбивые иностранцы почему-то без шапок!). Помнилось общее выражение лица – растеряннo-виноватое. Виделся и его облик в целом: средний рост, короткая темно-синяя курточка, джинсы. Ладный такой. Наверное, хорошо танцует. Кубинцы все хорошо танцуют. Интересно, она увидит это когда-нибудь? Вообще – она его увидит еще? Ведь он не попросил телефон, да она бы, скорее всего, и не дала. Значит, нет. Не увидит. А увидеть его хотелось. Очень хотелось. Только вот зачем?

Глупость какая-то, убеждала себя Полина. Ну, красивый, и что из того? Ну, проводил – подумаешь... Ничего особенного. Так, поговорили. Больше, правда, жестами, чем словами, но все было понятно. Смешной такой. Переживал, что делает много ошибок. Про себя чуть-чуть рассказал: учится в десантном училище, на втором курсе. Про нее спросил – она объяснила, что учительница, преподает русский язык и литературу. А он еще изобразил: «Хочу быть вашим учеником». Полина в ответ поулыбалась – вот и все.

«Па-ли-на», – повторил про себя несколько раз Эрнесто, засыпая. А еще, засыпая, он пытался понять, почему лицо этой русской девушки (женщины, поправил он себя, – у нее же ребенок, она же замужем) кажется ему таким знакомым. Она не похожа ни на одну из девушек, с которыми был здесь, в России, знаком Эрнесто. Волосы темные... Из-под белой шапки выбилась прядь темных волос – и это было очень красиво, хоть она и сердилась. Глаза светло-карие. Да, он хорошо запомнил именно ее глаза, точнее, взгляд – сначала огненный, а потом – добрый. И еще – ямочки на щеках, когда она улыбалась.

Проснувшись, Эрнесто уже знал: его новая знакомая поразительно напоминала красивую испанку со старинной фотографии, которая висела в бабушкиной комнате рядом с ликом Девы Марии. Бабушка Лусия никогда толком не могла объяснить, что это за дама. Говорила, «очень

знатная особа, принадлежащая к древнему испанскому роду». Похвастаться своим родством с красавицей с фотографии она не могла: родители ее были бедняками и в середине двадцатых годов вместе с детьми уехали из Испании в Новый Свет в поисках лучшей доли, в результате осели на Кубе. Лусии в наследство от родителей вместе с нехитрым скарбом досталась и эта фотография.

– Кто это? – спрашивал маленький Эрнесто.

– Донна Изабель, – отвечала не задумываясь бабушка.

Но в следующий раз она говорила, что это донна Алисия, или донна Марианна, или донна... – и называла еще какое-нибудь красивое имя.

В конце концов осталось только «донна». Донна притягивала своим туманным взглядом, неясной улыбкой, открытыми полными плечами, кружевами на груди – всем, что сохранил пожелтевший дагерротип; она будоражила какие-то непонятные потаенные чувства, став, вероятно, для Эрнесто символом красоты и женственности, хотя он этого, скорее всего, и не осознавал.

На следующий день, ближе к вечеру, Полина вышла из подъезда в надежде, что...

Нет. Никто ее не ждал.

Она шла по улице и жадно вглядывалась в самые дальние силуэты: вдруг какой-то из них, приблизившись, обретет знакомые черты. Но нет. Все прохожие были незнакомыми, чужими, ненужными. И Полина поняла, что не любит идущих навстречу. Она не любит эту улицу, не любит этот вечер, в который она вышла из дома единственно для того, чтобы встретить Эрнесто.

Поздно ночью, снова лежа без сна, расстроенная, не желая опять-таки признаваться самой себе, что причина ее переживаний – кубинец, которого она никогда больше не увидит, – Полина перебирала в памяти все, что уже случилось в ее жизни к этому моменту. Это было зачем-то очень нужно – как следует перевернуть свое прошлое.

От автора

Когда я поняла, что поеду на Кубу (толком еще не осознав, зачем; знала, что надо, и все) и начала всем об этом рассказывать, нашелся один умный человек, литератор, который посоветовал мне обратиться в Кубинское посольство. И хотя позже этот шаг представлялся совершенно естественным и очевидным, сама бы я, скорее всего, до него не додумалась. Потом я не раз вспоминала Владимира Борисовича добрым словом.

В посольстве меня приняли прекрасно, пообещав организационную поддержку. Вышла оттуда совершенно счастливой: я люблю Кубу уже сейчас! А дома, читая многочисленные информационные материалы, которыми меня снабдили, проникалась все большим и большим уважением к этой стране. Мы ведь в последние два десятилетия практически ничего о ней не знали. Когда я пыталась в библиотеке найти ответы на «кубинские» вопросы, то обнаружила лишь несколько разрозненных статей, которые в основном были посвящены все тем же шестидесятым; о современной Кубе – почти ничего.

А современная Куба – это продолжающаяся борьба с Америкой, это (по-прежнему!) сохранение независимости и достоинства, это высочайший уровень ответственности за своих граждан: за их здоровье и безопасность.

В том, что все это – на деле, а не на бумаге, я имела возможность убедиться позже. А пока я с интересом читала номера газеты «Гуантанамера», распечатки выступлений руководителей Республики Куба. Читала и подчеркивала, по своему обыкновению, все, что особенно волновало. Вот кое-что из подчеркнутого:

«...В книгах не сказано, как делается революция и что такое революция; и в книгах не было написано, что этой маленькой стране придется в течение 45 лет противостоять самой могущественной державе, какая когда-либо существовала в мире, и эта держава не смогла победить нас силой своего оружия. Она знала, какую цену ей пришлось бы заплатить».

На Плайя-Хирон, где они недооценили наш народ, они не пробыли и 70 часов, и во время Карибского кризиса мир чуть-чуть не взорвался вследствие планов империалистической агрессии и твердости нашего народа. И мы выстояли все эти годы блокады и особого периода. Это народ-ветеран, народ боевой, и тут подготовлены огромные молодые силы, культурные и революционные, которые никто никогда не сможет победить.

Мы очень хорошо сознаем, что мы такое, что мы сделали и что у нас есть. Но похоже, что некоторые глупцы еще не замечают этого и упорно продолжают вмешиваться в наши внутренние дела, обучая нас, как устанавливается демократия. В любом случае, мы можем ответить на столь великодушный жест, научив их, как создается равенство, как искореняются привилегии и как устанавливается революционная демократия».

(Из выступления Президента Республики Куба Фиделя Кастро Рус на митинге на Площади Революции. Первое мая 2004 года.)

«...американское правительство развязало против Кубы геноцидную экономическую войну во всемирном масштабе. Кубе запрещается экспортировать в Соединенные Штаты; Кубе запрещается принимать американских туристов; нам возбраняется доступ к технологиям, производимым в этой стране; Кубе запрещается импортировать любой американский продукт, аппаратуру или сырье.

...с 1992 года действует и скрупулезно применяется закон Торричелли, который запрещает дочерним фирмам американских компаний в третьих странах торговать с Кубой. Приведу только несколько примеров:

– канадский филиал американской компании «Picker International» не смог продать Кубе запасные части к рентгеновским аппаратам, потому что он является дочерней фирмой предприятия Соединенных Штатов.

– французская компания «Bull» не смогла довершить продажу Кубе банковских кассовых автоматов, потому что была куплена американской фирмой «Diebold»...

...никто в этом мире не может продать Кубе какой-либо продукт или оборудование, если они содержат более 10% американских компонентов. Импорт ветеринарной вакцины, которую могла бы поставлять нашей стране голландская компания «INTERVET», оказался невозможным, когда американское правительство известило данное предприятие, что оно не может продавать вакцину Кубе, так как она содержит 10% антигена, производимого в Соединенных Штатах.

С другой стороны, американское правительство запрещает любой компании в мире экспортировать какой-либо продукт или оборудование в Соединенные Штаты, если они содержат кубинское сырье. Японский изготовитель автомобилей должен доказать правительству Соединенных Штатов, что металлы, идущие на производство автомобиля, не содержат кубинского никеля, если он хочет экспортировать этот автомобиль в Соединенные Штаты. Европейский изготовитель кондитерских изделий должен доказать правительству Соединенных Штатов, что он не использовал кубинский сахар, если хочет экспортировать в эту страну.

...Объяснит ли американская делегация, почему Куба не получает и никогда не получала кредита от Всемирного банка и Межамериканского банка развития? Потому что это запрещает им правительство Соединенных Штатов.

...Почему правительство Соединенных Штатов не отменяет блокаду Кубы? Я вам отвечу: потому что оно боится. Оно боится нашего примера. Оно знает, что если оно отменит блокаду, экономическое и социальное развитие Кубы будет головокружительным. Оно знает, что мы докажем – еще более – возможности кубинского социализма, еще не полностью осуществлен-

ный потенциал страны, где нет никакой дискриминации, где есть социальная справедливость и права человека для всех граждан, а не только для немногих. Это правительство большой и могущественной империи, но оно боится примера маленького мятежного острова.

Куба знает также, ваши превосходительства, что если блокада не будет отменена и враждебность, которая длится уже более четырех десятилетий, не прекратится, все продолжит быть трудным, но не невозможным. Наш народ уверен, что нет человеческих или природных препятствий, которые помешали бы ее продвижению к более процветающей и справедливой стране».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.